

А Т А Д Ж А Н

Т А Г А Н

Прощание

ИЗ Б Р А Н Н Ы Е Р А С С К А З Ы

(Переводы подстрочные)

Атаджан Таган — виднейший из современных туркменских писателей. произведения которого переведены на многие языки и высоко оценены даже самыми требовательными критиками многих стран. Он автор множества повестей и романов, заслуживших признание туркменских и зарубежных читателей. Тем не менее, по мнению некоторых специалистов, именно в жанре новеллы наиболее наглядно раскрылось его писательское мастерство.

За рассказами, заряженными высоким эмоциональным накалом, за строгим, скупым мужским сентиментализмом, ясно слышится искренний и человеколюбивый голос автора. Именно это и привлекает настоящих любителей литературы разных национальностей и именно это делает творчество Атаджана Тагана уникальным и универсальным.

Встреча с читателем

ПРОЩАНИЕ

Жизненный путь чабана Хошберды тянется вот уже около восьмидесяти лет, распутываясь, словно клубок, и от него осталось всего столько, что можно считать не саженьями, а длиной кисти руки. И эта мера могла закончиться сегодня, а может протянуться и до завтра.

В глубине шестикрылой кибитки, на нескольких матрацах, постеленных один поверх другого, лежал старик, опираясь на пару подушек, и вокруг него сидели его ближайшие родственники. Был разгар лета. Одна из самых просторных комнат большого дома во дворе, в котором было установлено немалое количество кондиционеров, принадлежала одному только Хошберды ага. Но, словно предчувствовав, что жить ему осталось считанные дни, он заставил перенести его постель в кибитку. Пять лет тому назад яшули, попросившись со степью, и поселившись навсегда в селе, по-видимому, соскучившись по своей молодости, специально отправил старшего сына Замана в Куняургенч, и не считаясь с затратами, заказал эту белую кибитку знаменитым мастерам, прошедшим хорошую школу строительства древнего туркменского жилья. Возможно, он подумал о том, что и его родители, и его дальние предки простились с миром именно в подобном жилище. Собравшиеся у смертного одра сыновья и дочери не знали как иначе можно растолковать его переезд из прохладного дома в кибитку, духота в которой ничуть не отличалась от уличного. На следующий же день после переезда Хошгельды ага из кирпичного дома в кибитку произошло ещё одно непонятное происшествие. Перед решётчатой стеной кибитки с широко открытым дурлуком¹ в середине дня появился старый пёс. То, что он лёг очень близко от решётчатой стены привлекло внимание всех, кто сидел у смертного ложа больного. Было видно, что этот пёс не из их села, это можно было определить даже по строению его тела. В селе не было таких рослых псов. Он выглядел жалким, потерянным, покинутым, был тощим, местами выпавшая шерсть выглядела сухой и безжизненной. Было видно, что старый пёс тоже доживает последние дни. Его усталые большие глаза казались очень мудрыми. Собравшиеся в доме посчитали странным, что какая-то бродячая собака нашла пристанище именно у этой кибитки, и лежала, положив большую голову на передние лапы и глядя полным надежды взглядом сквозь решетчатую стену.

Но сам пёс был в курсе всего. Бедняга шёл сюда два дня без воды и еды, и еле живой от приплелся до села, чтобы достичь этого непонятного для людей состояния.

Как только этот пёс показался у стены кибитки, выражение бледного лица Хошберды ага изменилось, хотя его родные этого не заметили. Ресницы его полужакрытых, безучастных глаз словно пошевелились, на

---

¹ Дурлук – Кошма, обивающая стену.

мгновение затрепетали, на краюшке пересохших губ появилось подобие улыбки. «Дружище, ты пришёл попрощаться со старым другом?» Он чуть поднял голову, в его глазах появилась слабенькая искра.

«Мне всегда нравилось, когда ты называл меня «дружище». Я ведь собака... Я пришёл повидаться с тобой, Хошберды. Ты снился мне подряд три ночи. Я подумал, что не к добру все это, и раз помирать, то в дороге, которая ведёт к моему настоящему хозяину». «Как ты нашёл это село, этот дом?» «Ты ведь сам говорил, что собака не забывает места, которое видел хоть раз, помнишь?»

Хошберды ага это помнил. Примерно десять лет назад, восьми или девятилетний Акбилек был в самом расцвете сил. Стояла зима, когда было дано предупреждение о возможном резком похолодании через неделю, и о том, что выпадет очень много снега, и заморозки продержаться около десяти дней. Когда выпал тяжёлый снег, руководители, подумав о том, что будет очень трудно почти половину месяца держать два крупных стада, поставляя им корма за сто двадцать километров по бездорожью, посчитали правильным привести сами стада туда, где есть пища. Таким образом, дитя степи, чадо песков Акбилек вместе со стадом чабана Хошберды, прибыл в село. Так как овец держали рядом с селом, чабан каждый день навещался в свой тёплый дом, и Акбилек приходил туда множество раз. Оказалось, что пес не позабыл те тропы, по которым ходил.

Акбилек, на роду которого было написано быть собакой сиротой, признавал самым близким своим покровителем только одного чабана Хошберды. Этот чабан и спас его от смерти, и выхаживал. Хоть Акбилек и не знал, когда и как разлучился со своей матерью, он не забыл о том, что один-одинёшенек ходил среди мусора и веток. Голодный, оставшийся без материнской опеки щенок, которому ещё не было и двух месяцев от роду, лежал среди травы, тихо таякая, и если бы чабан Хошберды, пасший овец, не забрёл туда случайно, вряд ли бы Акбилек смог дожить до следующего утра, и вряд ли бы стал он псом чабана, и навряд ли увидел бы это село. Акбилек даже не знал, как его называли до того, как потерял мать. Чабан Хошберды именовал его Акбилек (Белая рука), так как на его левой передней лапе было небольшое пятнышко

- Подойди ко мне, мой Акбилек, я поглажу тебя по головке!

«Люди не подпустят меня к тебе, Хозяин. Я буду рад, если меня не прогонят отсюда. Мне достаточно просто видеть тебя. Я тоже состарился. Наши-то и не живут дольше двадцати лет. И мне уж примерно столько исполнилось. Сколько мне еще отпущено дней, знает лишь Бог один. Я так рад, что снова вижу тебя...»

«Я тоже очень рад видеть тебя перед тем, как испустить последний вздох. Ты был мне товарищем в глухой степи, мой Акбилек. Ты был мне единственным спутником». «И ты был мне покровителем, родным». «Ты

помнишь, Акбилек, как мы общались с тобой, пока шли за отарой. Иногда я рассказывал сказки, играл на дудочке, а ты слушал». «Помню, помню. И ведь именно ты научил меня говорить в мыслях на человеческом языке. А помнишь, когда я был маленьким, ты бросил в меня в горпечку?» «Этого что-то не припомню. Почему же я бросил тебя в горпечку? Наверное, разозлил меня. Ведь маленьким ты был ужасно шкодливым. Такое вытворял, зная, что не трону. Иначе, что делать щенку в горпечке? Ведь там держат только ягнят...» «Я тебе напомню. На стадо налетели волки. А я, повторяя за старшими собратями, начал тявкать и побежал за двумя псами, бросившимися за волками. А ты бежал с ружьём в одной руке, и другой рукой схватил меня за шкуру и бросил в глубокую горпечку рядом. А там было очень темно. Сверху послышался выстрел. Тогда я впервые в жизни услышал звук ружейного выстрела. Через некоторое время ты вытащил меня из горпечки и, положив за пазуху, погладил по голове. Тогда я узнал, что у хорошего человека и руки бывают ласковые. Затем ты сказал: «Эх ты, мой дурачок! Не стоит пока так геройствовать!» А я ещё тогда посмеивался про себя, думая: «Хотя все чабаны и ходят на двух ногах, они считаются умнее собак». А значение слова «дурачок» я понял позже. Если бы ты тогда не бросил меня в укрытие... Зло забывается, но нельзя забывать и добро. Если звери понимают это, то многие люди делают наоборот, не так ли, хозяин?» «Не хочу говорить, что это правда, но не хочу и обманывать тебя, Акбилек».

Человек в папахе из бараньей шкуры, сидевший у изголовья Хошберды ага, сначала с гневом посмотрел на улицу через решётку, потом обратился к юноше рядом: «Иди, сделай так, чтобы этот проклятый пёс и близко не подходил к кибитке!»

Хошберды ага, услышав эти слова, хотел заступиться за Акбилека, но ему не то чтобы заговорить, но и пошевелиться сил не хватило. Старик всего лишь немножко вздрогнул, и это было всё, что он смог предпринять. И хотя собака увидела это, люди так и не поняли.

«Какое люди имеют право говорить о том, о чем и понятия не имеют? С чего бы это я проклят, а он чист?» – подумал пёс, но резко брошенный старый башмак заставил его отойти от кибитки.

Как бы ему не хотелось уходить, Акбилеку пришлось отступить подальше. Он понимал своё положение, и не забывал, что стоит быть на чеку в чужом селе. Поэтому он поплёлся по проторенной тропинке за домом Хошберды ага. Пожилая женщина, появившаяся из густых зарослей тутовника, не оправдала ожиданий Акбилека. Она отступила на шаг от тропинки, уступив дорогу псу, подумав про себя «Вот бедное, бездомное, голодное животное. Даже нет ничего с собой, чтобы бросить ему». Хотя у неё не было ничего, Акбилек был не в обиде, ведь как часто говорил чабан, «Если нет у тебя пшеничного хлеба, пусть хотя бы будет пшеничное слово». Почти в конце тропинки ему встретился ещё один

человек. Увидев неприятный взгляд приближающегося юноши, Акбилеку самому пришлось сойти с тропинки, и дать ему дорогу. И даже тогда этот юноша проговорил про себя «Пристреливать надо таких бродячих голодных псов». «Я уступил тебе дорогу, уважил тебя, как человека. Все равно ты хочешь меня убить? Даже если я голоден, разве я у тебя просил хлеба?»

За арыком, по краям заросшим тутовником, было широкое низковатое место. Там десять-пятнадцать человек сомкнулись в кольцо, и на что-то смотрели. Вдруг оттуда послышался собачий лай. Акбилек не смог пройти мимо своих сородичей. Так как на него никто не обращал никакого внимания, он подошёл поближе и стал свидетелем душераздирающей сцены. Люди стравили двух псов. Головы, глаза обоих псов были залиты кровью.

«Вот тебе и человечность! Получая удовольствие от драки двух живых существ, они ещё называют себя людьми. Собаки не стали бы радоваться, мучая людей, стравливая их. Среди людей и среди собак есть плохие, есть хорошие. Но они плохих своих сородичей всегда обзывают собаками. Мы ведь так не делаем, хотя творимый грех человека на земле гораздо больше, чем у собак. Кажется Бог допустил глубокую ошибку, доверяя судьбу мира людям. Были бы все люди как мой Хозяин! Тогда не было бы собачей травли и больших войн создаваемых людьми, чтобы самим же найти свою погибель»

Акбилек быстро удалился с места, где получали удовольствие от крови. Он ушёл, но опять вернулся, так как захотел поскорее пойти снова туда, где из-за решётчатой стены кибитки видно самого близкого ему человека.

За спину Хощберды ага подоткнули подушку и немного его приподняли. В доме не было других изменений. Казалось, больной сидит, немного закинув голову назад. Акбилек прошёлся туда и обратно перед кибиткой, словно желая, чтобы люди в доме свыклись с его присутствием, потом сел на двух задних ногах подальше от того места, с которого его согнали.

– А этот-то снова вернулся – сказал человек, ранее давший задание выгнать пса.

«И что с того, что вернулся? Я же не вернулся, чтобы тебя увидеть. Или я помешал тебе, или залаял, или завыл? – сказал про себя пёс и обратил свой взор на больного».

«Как ты себя чувствуешь, Хозяин?» «Увидев тебя, мне полегчало, мой Акбилек». «У меня тоже как будто прибавилось сил, когда тебя увидел». Ещё одно обратило на себя внимание Акбилека в широкой кибитке. И это был старый чекмень--халат, висевший в глубине дома. Хотя чекмень и был очень старый, он радовал взгляд Акбилека. Ведь он так часто шагал рядом с этим чекменем. Он часто дремал на полах этого

чекменя, когда чабан Хошберды весной сидел на холме и наблюдал за овцами, пасшимися в низине.

«Однажды ты два дня не кормил меня, а на третий день поставил передо мной целую миску костей, Хозяин. Помнишь? Так как я был очень голоден, то грыз эти голые кости целый час. Сколько я их не грыз, не было ничего, что бы зацепилось мне на зубы. Потом ты забрал кости и потихоньку меня накормил.

«Таким образом я иногда точил твои зубы».

«Я об этом узнал потом. Мы только не сидели за одним сачаком, даже ели в одно время. Сначала поставив миску передо мной, только после этого ты садился кушать сам. Если во время обеда меня не было в коше, ты искал меня и звал. Ты был таким человеком. И поэтому я любил тебя, Хошберды. Мы были друзьями, братьями...

«Ты тоже не был глупым или прожорливым псом, мой Акбилек. Даже если оставался голодным по какой-то причине, не нюхал казан или миску».

«Когда однажды подпасок Маммед хотел вылить в мою миску помои, ты накричал на него. «Отдай помои мне, а не Акбилеку»- _ сказал ты. Я всё помню, Хошберды. Когда приехал председатель, и прикрикнул на меня: «А ну иди отсюда!» ты помнишь, что ответил?»

«Не осталось это в моей памяти, мой Акбилек».

«Я напомним. Ты сказал ему гневно: «Акбилек не из тех псов, с которыми так обращаются, башлык». Я всё помню, Хозяин, всё помню. Когда ты однажды ездил в село, ты велел подпаску «Хорошо смотри за Акбилеком!» Даже если ты пёс, хорошо быть псом, о котором заботятся. Пока был ты, у меня словно была стена за спиной. Люди не зря говорят: «Пёс, за которого стоят горой, победит волка». Я был таким псом, за которым был ты, и я был псом, побеждающим волков, который не боялся волков. Потому что, когда я бросался на волка, я верил, что за мной стоит моя опора с ружьём в руках. Какой же ты хороший человек, мой Хозяин».

«Ладно, ладно... Не надо захваливать, человека, который вырос, кормясь сырым молоком. Возгордится».

«Люди любят, когда их хвалят».

«Я до смерти не забуду твою заботу обо мне, Хошберды, когда меня однажды поранил волк. Ты смотрел за мной, как за своим ребёнком. Ты многому меня научил, очень многому, мой Учитель».

«Я тоже научился у тебя одной очень большой вещи, мой Акбилек. Почётнее быть верным псом, чем неверным человеком. Ты уж мне поверь. Я знаю и того и другого. Поверь... Ты, наверное, голоден, мой Акбилек. Тебя ведь никто не покормит».

«Ты даже в таком состоянии заботишься обо мне. Если люди не выгонят меня отсюда, я буду считать, что меня покормили. Я проделал

этот тяжёлый путь не для того, чтобы наполнить своё голодное брюхо, а для того, чтобы увидеть тебя...»

Хотя Хошберды ага лежал так же, как и прежде, те, кто сидел, глядя на него, вдруг заволновались. Акбилек почувствовал, что что-то случилось. Акбилек весь содрогнулся от громкого плача нескольких людей. Кто-то входил в дом, кто-то выходил из дома. Акбилек решил отойти подальше от стены. Вдруг он почувствовал, что высокий худой человек, стоящий за решётчатой стеной, с интересом смотрит в его сторону. В глазах этого человека стояли слёзы, но не было видно ненависти к псу. Это был старший сын чабана Хошберды Заман... Акбилек не знал, что ему делать. Если он подойдёт ближе к дому, его выгонят, закидав камнями. Он начал действовать по обстоятельствам, пошёл в заросли кукурузы в огороде Хошберды ага и лёг, глядя в сторону кибитки, не привлекая внимания.

Назавтра на рассвете, вокруг дома стало больше движения, начали прибывать люди, пешие и на автомобилях. В полдень из дома вынесли гроб, украшенный красиво, и поставили его на широкой площадке перед шестью короткими рядами людей. Хотя Акбилек видел такое впервые в своей жизни, он предположил, что это значило. И вдруг, поднялся шум и мужчины отправились, поднимая гроб. Акбилек сначала стоял в растерянности, но вдруг быстро пошёл за людьми. Он шёл по улице, переходя то на левую, то на правую сторону, и не отрываясь, смотрел на гроб. «Куда тебя несут?» - спрашивал Акбилек. Но со стороны гроба не было ни звука. Вместо этого кинутый в его сторону камень попал прямо ему в спину. До самого кладбища такие камни бросали в него пять или шесть раз, попадали они в него или нет. Но как бы его не гнали, Акбилек не отдалялся от процессии.

Люди долго задержались рядом с кучей песка. Но сколько бы они не задержались, Акбилек кружил поблизости. Когда люди возвращались, на их плечах не было гроба. Поэтому, хотя люди и вернулись назад, Акбилек не покинул кладбища.

До седьмого дня после смерти Хошберды ага Акбилека видели несколько раз через решётчатую стену кибитки. Но на старом псе с белой отметиной на передней левой ноге не задержался взгляд ни у кого, кроме старшего сына покойного - Замана. А те, кто и видел его, посчитали голодным бродячим псом, который пришёл сюда на запах готовящейся еды. То, что Акбилек был голоден – это была правда, но он не был бродячим псом. Только Заман подумал об Акбилеке по - другому. И к тому же, мальчишки, которые пасли скот рядом с кладбищем, рассказывали много раз Заману, что какой-то пёс с отметиной на ноге, лежит на могиле старика. Когда мальчишки гнали его, бросая в него камнями, он уходил, но покружив подальше, снова возвращался и ложился у могилы. Это известие ввергло в ещё большие сомнения Замана, который с тех пор, как увидел этого пса с отметиной

на ноге через решётку стены, предполагал, возможно, по своему, один из невозможных в жизни случаев.

В селе жил один пожилой человек по имени Хазрет ага, все предки которого были чабанами, который и сам большую часть жизни провёл в песках. Когда Хезрет ага пришёл на поминки седьмого дня, Заман, провожая его, уйдя подальше от людей, попробовал разобраться в своих предположениях. Старый чабан подтвердил, что нет оснований сомневаться в верности этих предположений.

– Что бы не говорили о чувствительности собак и верблюдов, всё будет мало, Заман, братец.

Однажды я загрузил на верблюда две бочки и поехал к колодцу, и когда мы дошли до середины пути, началась такая буря, что я думал, на мою бедную голову обрушилась преисподняя. Сыпучий песок, словно вода, кипящая в казане, бурлил и пересыпался. Невозможно было разобрать, где небо, а где земля, где север, где юг. Когда я уже собирался читать молитву, прощаясь с жизнью, думая, что вот и настал мой смертный час, я вдруг вспомнил, о чём наставлял меня покойный отец, рассказывая мне, что делать в подобных ситуациях, и повязав уздцы на шею верблюда, отпустил их и сел поудобнее и ухватился покрепче. Прошло около часа, когда верблюд остановился. Открываю глаза, бедняга стоит около колодца ... А собаки ещё чувствительнее, чем верблюды, братец Заман. А если она и раньше хотя бы один раз видела эти места... Ты говоришь, двухдневный путь, умная, понятливая собака преодолет даже путь в пять дней...

Акбилек дни и ночи проводил на кладбище. Даже если у него не было силы ходить, когда от лежания на могиле у него затекали ноги, он вставал, шёл сорок – пятьдесят шагов и снова возвращался на прежнее место. У него ещё было много чего сказать чабану Хошберды, вопросов и много других хороших вещей. Теперь в этом мире не было человека, который бы мог поговорить с Акбилеком о прошлых днях, дать Акбилеку хорошие советы, говорить Акбилеку о своих заботах, даже понимать язык Акбилека. Какой интерес, какое удовольствие, какая сладость может быть в мире, где с тобой не поговорят, где твой язык не понимают, в мире, где нет друга, понимающего тебя с полуслова. Мир только тогда является миром, когда в нём есть кто-то, с кем можно поговорить по душам, кому можно верить свою жизнь, кто ценит тебя, понимает. А если ты никого не ценишь, тебя никто не ценит, ты превратишься в ничто и весь твой мир превращается в ничего не значащую пустоту.

Прошлой ночью, когда был похоронен почитаемый человек, даже над кладбищем почти до самого рассвета раздавалась похожая на неприятный шум музыка, не давая даже мёртвым спокойно лежать в своих могилах. Разве нельзя сделать так, чтобы эти звуки музыки, считающиеся символами радости, хотя бы в те дни, когда хоронят

людей, не доходили до кладбища, чтобы не слышали их родные усопших? Или люди должны радоваться, когда человек умирает?

А ведь сами же создали такую хорошую пословицу «Кто не уважает своих умерших, не будет уважать и живущих». Ну и что с того, что создали? Люди, которые могут пускать музыку в день, когда умер их сосед Хошберды, скорее всего, не уважают ни живых, ни мёртвых. Или они думают, что сами не умрут никогда?... Вопрос с Акбилеком не давал покоя Заману. На следующий день после поминок седьмого дня, он пошёл на кладбище, не сказав никому из домашних, куда и зачем направляется. На кладбище царило безмолвие и тишина, от которой шумело в ушах, только трава тихо шевелилась от ветерка, не было ни души. Но вид одного животного, лежащего здесь, еле дыша, заставил биться быстрее сердце даже у немолодого уже Замана. То, как неподвижно Акбилек лежал, положив голову на передние ноги, прикасающиеся к холмику могилы, заставило прослезиться человека, которому было за пятьдесят лет. Пёс был жив, и хотя он и не поворачивал головы, но краем глаза смотрел на подошедшего человека. Хотя человек подошёл к нему очень близко, он не напрягся, он не забеспокоился, когда человек присел рядом, не испугался, когда человек погладил его по голове. Наоборот, когда впервые после стольких лет рука человека погладила его по голове, Акбилек вспомнил пески, представил себе чабана Хошберды.

Заман не долго сидел рядом с псом, он направился в сторону машины, оставленной неподалёку. Через некоторое время перед Акбилеком появилась миска с мясным супом и большая миска с холодной водой. Пёс видел всё это, но казалось, это его ничуть не привлекает. Хозяин руки снова ласково погладил его по голове и сказал приветливо: - Ешь, бедняга! Я же специально для тебя принёс. Пёс не двигался. Чтобы оставить его одного, сердобольный человек, появившийся рядом с псом, пошёл в сторону машины. Сев в машину, он посмотрел в сторону могилы. Пёс лежал, как и прежде. Но он сумел прийти к выводу «Ещё в мире не закончились настоящие люди»...

С желанием обновить еду и воду, на завтрашний день Заман вновь поехал на кладбище. По дороге он подумал о том, что когда пёс устанет лежать у могилы своего хозяина, нужно забрать его и держать в своём доме, сказал про себя «Потихоньку привыкнет к нам». Это было бы лучше и для Замана, и для пса. Но старший сын чабана Хошберды не смог осуществить своё желание. Когда Заман пришёл на кладбище, пёс лежал на том же месте, еда, принесённая вчера, была нетронута, вода не выпита. Акбилек был мёртв. Но даже в момент смертельной горячки он не убрал ног с холмика могилы.

Заман долго стоял, глядя на могилу, поверхность которой ещё даже не успела высохнуть, и на пса, лежавшего, словно обнимая могилу, потом

взял вчерашние миски, вылил содержимое, отойдя подальше, и пошёл в сторону машины.

Когда Заман вышел из машины, съездив в село, в его руках был старый чекмень отца, который он носил в песках и лопата. Он подошёл к могиле, завернул труп собаки в чекмень чабана, завязал в нескольких местах верёвкой, потом взял лопату и пошёл в сторону кустов в двадцати-тридцати шагах позади могилы.

КОГДА КОНЧАЕТСЯ ВОЙНА

Старая Мамур сидела на корточках, прислонившись к стене кибитки.

Напротив, в доме Ангала-ага, справляли свадьбу. Время от времени старушка поглядывала туда, вздыхала, и по лицу её катились слёзы.

Мы с Колли хотели было пойти на свадьбу — праздники были сейчас так редки, но бабушка Мамур не пустила нас.

— На такую свадьбу и глядеть-то грех. Умса замуж выходит! Пусть, на ней свет клином не сошёлся. Вернётся Нурджан, я ему такую красивую высватаю — на Умсу никто и смотреть не станет. Свадьбу закатим! Пишме, сладостей напечём!.. Джидой осыпать будем. Вы за невестой поскачете! Тогда уж и попируем!\\\\\\\\\\\\

И бабушка Мамур так увлекательно стала рассказывать о будущей свадьбе сына, что мы и думать забыли про ту, в соседнем доме. Мы представляли себе Нурджана, высокого, стройного, грудь в орденах!.. Всем женихам жених!

Нурджан, единственный сын Мамур, ушёл на фронт вскоре после того, как за него высватали Умсу. Обо всём уже договорились, день свадьбы осталось назначить, а тут война. Пришлось отложить свадьбу — вернётся с фронта, тогда уж...

Сначала бабушка Мамур довольно часто получала письма от сына, потом они стали приходить реже, а вскоре и вовсе прекратились. Больше года ни единой весточки. Пришло лишь одно письмо, но старый наш письмоносец не решился отдать его Мамур, отнёс председателю. В письме этом, написанном на машинке, сообщалось, что Нурджан Атаев, проявив геройство и мужество, погиб под городом Курском семнадцатого июля тысяча девятьсот сорок третьего года...

Председатель поспешно, чтоб никто не увидел, сунул похоронку на полку за книги, строго-настрого наказав письмоносцу молчать. Бумажка давно уж покрылась слоем пыли, а он всё тянул, всё откладывал — никак не мог собраться с духом и сообщить старухе о смерти единственного сына.

Бабушка Мамур была по-настоящему оскорблена тем, что, нарушив обещание, Ангал-ага выдаёт дочку за какого-то выскочку из

Векиль-бавара. «Старый чёрт! На кого Нурджана променял! Да где ж твои глаза были, глупый? Ничего, будешь ещё локти кусать! Придёт Нурджан, весь в медалях — про одну-то он уже отписал — попляшешь тогда! А Умса дурица! Куда торопится, глупая курица? Не перестарок, могла бы и погодить! Вышла бы за Нурджана, я б с тебя пылинки сдувала... Вот попадётся в свекрови ведьма злая, попомнишь тогда тётю Мамур! А тебе точно ведьма попадётся — бог карает неверных...»

Рядом, за низким дувалом, жалобно тянул свою песню туйдук, глухо, словно проглатывая удары, ухал барабан, пищал гиджак — не праздничная была музыка, и, если б односельчане не оповещены были о тое, думали бы, что поминки.

Первая красавица в селе, сватались к ней со всей округи, а той вышел — одно название. Несколько повозок, пяток верховых — разве это свадебный поезд?

Война шла уже четвёртый год, и кровь, пролитая солдатами за тысячи километров от родного села, отзывалась здесь слезами и скорбью. Девятнадцать похоронок — девятнадцать «чёрных писем» пришло в село. Какая уж тут радость, какой праздник!..

Сноха Умсы надела не будничное платье, в котором ходила в поле, а другое, немножко поновей — осудили. «Дрянь баба! Муж на войне, смерти в глаза глядит, а у этой наряды на уме!» Когда разъезжались, старый Улук-ага и колокольцы со сбруи велел снять: «Ишь раззвонились — в Мары слышно! Не пристало бубенцами слух тешить, когда горе кругом».

Не было на свадьбе Умсы ни звона бубенцов, ни песен, ни смеха. Жениховы родичи посидели за дастарханом, выпили по пиале чаю — и всё. С тем и увезли невесту. Камней вслед и то не кидали[13]. Одна из подружек хотела бросить, да парень из жениховой родни отговорил:

— Чего лезешь? Себя показать надо? Подсаживайся тогда в седло — увезу, а камнями швыряться нечего!

— Бессовестный! — возмущалась бабушка Мамур. — В чужом селе девушку позорить! Обычая знать не хочешь! Наука тебе, Ангал, — будешь знать, старый дурень, с кем родниться!

Умсу увезли, и больше мы её не видели.

Утром мы, как всегда, прибежали проведать бабушку Мамур. Она словно и с места не сходила, сидела, привалившись к стене кибитки, и беззвучно бормотала что-то себе под нос. У ног её, положив голову на лапы, дремал Аждар, старый и верный пёс. Отец Нурджана принёс его в дом щенком, когда мальчику было шесть лет. Какой Аждар породы, но знал никто, но умный он был на редкость. Если кто-нибудь приходил к бабушке Мамур, стоило только взглянуть на Аждара, чтобы сразу определить, с добром ли явился человек. Если гость заслуживал хорошего приёма, пёс радостно вилял хвостом и заливался весёлым,

звонким лаем. Если Аждар чуял недоброе, загоразивал собой бабушку Мамур и, злобно рыча, скалил большие жёлтые клыки.

Старушка любила своего пса, любила даже больше, чем корову. И не только за ум и преданность: главное, ведь и Нурджан в нём души не чаял. Куда бы ни шла бабушка Мамур, пёс всегда шагал рядом, и старушка не прогоняла его; она привыкла к своему неразлучному спутнику, к тому же с Аждаром всегда можно было потолковать, поделиться и горем, и радостью.

В последнее время стали всё чаще поговаривать о близком конце войны, и бабушка Мамур начала всерьёз готовиться к свадьбе. Она считала, что уж осенью то Нурджан непременно вернётся.

«Ну и свадьбу закатым! — повторяла старушка, щуря маленькие, прячущиеся в морщинках глаза.---Не то что у этого дурня Ангала! Всё село пировать будет! Корову не пожалею — зарежу!»

Мы с Колли нисколько не сомневались, что так всё и будет. Мы даже мысли не допускали, что Нурджан может не вернуться. «Наш Нурджан не погибнет, — не раз повторяла Мамур, — сам аллах охраняет его — единственного сынф у матери».

Уже несколько дней мы с Колли собирали джиду: бабушка Мамур попросила нас помочь ей — побольше собрать джиды, засушить для свадьбы Нурджана. Колли был немножко старше меня и намного ловчее. Он взбирался на дерево и длинной палкой сбивал ягоды. Больше, конечно, летело листьев, но ягоды тоже падали. За день мы набирали по мешку.

В тот день мы тоже с утра занялись джидой. Я сидел под деревом, а Колли, ничего не замечая вокруг, лупил палкой по ветвям, отяжелевшим от золотистых ягод. Удар — и листья серебристыми парашютиками, кружась, летели вниз, по голове мне ударяли спелые ягоды.

— Эй, парень! Кто так джиду собирает?!

Голос был строгий, я испуганно оглянулся и увидел председателя верхом на коне. Он сердито дёргал узду, и конь перебирал ногами, вздымая пыль.

— Если так лупить, на будущий год не ягоды — редьку горькую придётся есть!

Я замер с мешком в руке, а Колли испуганно таращился на председателя, болтая ногами в воздухе, — прыгать или не прыгать...

— Иначе и х никак не собьёшь, Сапар-ага, — несмел сказать я.

Председатель метнул на меня гневный взгляд и, ничего не ответив, обернулся к торчавшему на дереве Колли:

— Слезай сейчас же!

Бабушка Мамур, неподалёку перебиравшая ягоды, высыпала их из подола в мешок и решительно направилась к нам.

— Чего это ты раскричался, Сапар? — строго спросила она. — Это я велела. Помогают мне джиду собрать — к свадьбе Нурджана.

Председателя как подменили. Он вдруг опустил голову и умолк, словно провинившийся мальчишка. Потом молча дёрнул уздечку и ускакал.

***

Вечером мы снова зашли к бабушке Мамур. Она, как всегда, сидела в одиночестве; у неё ведь никого не было, одна на всём белом свете. Может, поэтому она и привязалась так к нам, ребятам. На что уж голодно было, а старушка всегда найдёт, чем угостить. Стоило нам молча усесться у стены под маленьким подслеповатым оконцем, бабушка Мамур тотчас принималась рыться в большом старом сундуке. «Пожуйте пока, ребятки, — она протягивала нам кусок сухой лепёшки. — Вернётся Нурджан, я вам таких сладостей напеку! Халвы наготовлю!..» Халва!.. Мы ели чёрствый хлеб и сладко жмурились, предвкушая грядущее блаженство. Потом старушка принималась рассказывать нам сказки. Какие это были сказки! Про царей и волшебников, про хитрого и весёлого Ходжу Насреддина, про злых баев и про волшебные страны, где живут диковинные звери. Интересная особенность была у этих сказок — как ни страшны были злые дэвы и огнедышащие драконы, сколько бы раз ни прерывалась сказка возгласом «Спаси нас аллах!», конец всё равно был хороший. Старушка твёрдо верила: всё, о чём говорится в сказке, правда. И если в сказке говорилось о том, что шахская дочь-красавица влюбилась в бедного парня, бабушка Мамур мечтательно улыбалась: «Пошли, всевышний, и Нурджану такую же!..»

Когда мы с Колли вошли, бабушка Мамур рылась в своём огромном сундуке.

— А, сыночки! — старушка ласково поглядела на нас. — Входите, мои хорошие, гостям всегда рада! Вот почитайте-ка! — она протянула нам старую пожелтевшую газету. — Тут про войну писано, может, и про Нурджана что есть?

Я читать не умел, знал только несколько букв. Колли по сравнению со мной был грамотеем — мог по слогам разбирать букварь, а потому решительно взял у старушки газету, уселся поближе к окну, откашлялся и стал читать.

— Колли, милый, ты вот тут... Вот отсюда давай! — Бабушка Мамур указала на большую, выделенную жирным шрифтом букву, похожую на узор вышивки.

— От... Со-вет-ско-го... Информбюро... Войска Юго-Западно фронта...

— Постой, сынок, не спеши! Что это такое Инфор... Информбюро?

Колли, недовольный, что его перебили, раздражённо почесал макушку.

— Не знаю.

— Не знаешь? Ну ладно, давай дальше!

— А там дальше не про войну! — Разбирать газету по слогам не доставляло Колли никакого удовольствия, и он решил схитрить. — Незачем читать-то! Нурджан придёт, сам всё расскажет. — И он протянул старушке газету.

Бабушка Мамур бережно приняла её, сложила, убрала в сундук. Достала узелок с сахаром и дала нам по кусочку.

— Принеси-ка дров, сынок! — сказала она Колли.

Мы удивлённо переглянулись: в доме тепло, зачем ей дрова? Бабушка Мамур заметила наше удивление.

— Пишме сейчас буду печь, — с улыбкой сказала она. — Знаете, куда завтра с вами поедем? В соседнее село, Нурджану невесту сватать. Прослышала я про одну — Акча, дочка Аннатач. Такая, говорят, красавица подросла, не хуже шахской дочки, о которой я вам вчера рассказывала. Спешить надо, как бы не перехватили. Засватаем, а вернётся Нурджан, сразу свадьба.

Утром оседлали белого ослика и в сопровождении Аждара втроём отправились сватать Нурджану невесту. Хозяйка, тётя Аннатач приняла нас ласково, угостила чаем. Потом мы с Колли пошли во двор. У порога дремал Аждар. Играть с нами он не хотел. От нечего делать мы стали швырять камешки в арык, наблюдая, как по воде расходятся ровные, гладкие круги. Вдруг у мостика, на той стороне арыка, показалась девушка.

— Арча! — послышалось из-за высокой кукурузы. — Где верёвка?

— Откуда я знаю? — устало отозвалась та. — Сторожу её, что ли? — Она остановилась посреди мостика, приподняла платье так, что видны стали загорелые ноги, присела и начала мыть руки. Бабушка Мамур была права — Умса, первая красавица в нашем селе, не шла с Акчой ни в какое сравнение. Над арыком, тоненько звеня крыльями, взметнулась зелёная стрекоза, девушка проводила её долгим взглядом; улыбка медленно гасла на её губах.

— Акча! — крикнул я. — А мы тебя сватать приехали!

Колли больно ткнул меня в бок, но было уже поздно.

— Что-о-о? — протянула девушка, удивлённо оглядывая нас. — Что ты сказал, глупыш?

— Я не глупыш, я сын Оразгельди-ага!

— Ишь ты какой! — она чуть заметно улыбнулась и покачала головой. — А как же тебя зовут? Щепочка?

Колли сердито поглядел на неё, а я обиделся: я и правда был тощий, как щепка.

— Хочешь, я тебе его собаку покажу? — спросил я.

— Чью собаку?

— Нурджана.

— А кто это, Нурджан?

— Нурджана не знаете! — удивлённо воскликнул я. — Да это же сын бабушки Мамур! Мы тебя за него сватаем.

— А-а, — протянула девушка. — Вот в чём дело. И где же его собака?

— Вон она лежит!

— Что ж, хозяин у неё такой же старый?

— Ты что! Нурджан молодой! Высокий, стройный!

— Красавец, значит? — девушка притворно вздохнула. —

Взглянуть бы на него хоть одним глазком!..

— Нельзя! Он на войне. С немцами дерётся. Уже медаль получил! Приедет — сразу на тебе женится.

Смущенная девушка увидев приближающую Мамур-ене быстро пошла на сторону кукурузников.

Старуха заметив Арчу радостным голосом сказала:

— Вот какая у Нурджана жена будет! — радова — Личико светлое, кругленькое, сама складненькая, высокая. Разве сравнишь с Умсой? Та Акче и в подмётки не годится! А как вышивает! А умница какая!

С утра мы опять заявили к бабушке Мамур собирать джиду. Старушка ликовала. Сватовство прошло удачно, и она была поглощена предстоящей свадьбой.

Вдруг со двора послышался хриплый лай Аждара. Давно я не слышал от старого добродушного пса такого злобного лая.

Бабушка Мамур встревожилась.

— Взгляните, чего это пёс беснуется? Может, кошку увидел?

Я выскочил во двор первым. К дому, не обращая внимания на свирепый лай Аждара, ковылял на костылях незнакомый человек в военной форме. У него была только одна нога. Увидев меня, инвалид остановился и спросил, показывая на кибитку:

— Тётя Мамур здесь живёт?

Я молчал, не в силах оторвать глаз от Аждара. Пёс заходился в злобном, яростном лае, он даже рычал, словно этот одноногий человек хотел ударить его.

Незнакомец подошёл ближе.

— Ты что, оглох? Тебя спрашивают: тётя Мамур здесь живёт?

Я молча кивнул и пошёл в кибитку. Незнакомец последовал за мной.

— Здравствуйте, тётя Мамур!

— Здравствуйте! Проходите, пожалуйста! Проходите! — повторяла старушка, указывая на почётное место.

Незнакомец сел на кошму, устало привалившись к мешкам с джидой, положив рядом новенькие костыли.

— Как поживаете, Мамур-эне? — вежливо осведомился он, вытирая от пота лицо. — Как ваше самочувствие?

— Спасибо, сынок, дай бог тебе здоровья! — ответила бабушка Мамур, напряжённо всматриваясь в усталое лицо гостя. — Что-то я тебя не припомню... Ты из наших ли мест?

— Нет, я нездешний. Сейчас из госпиталя, а вообще с фронта я...

— Так ты, сынок, небось и Нурджана моего видел? Как он там? Здоров ли? Когда вернётся? Всё сердце по нему изболелось!

Гость не ответил, посмотрел исподлобья на старуху и перевёл взгляд на нас, разглядывавших его в восторженном нетерпении.

— Что, и у Нурджана такая рубашка? — бабушка Мамур погладила рукав гимнастёрки, покачала головой. — С золотыми пуговицами? Всем такие дают? А бельё тёплое? Там ведь, говорят, холодно, на фронте-то?..

Гость не ответил.

— Писем от сына давно не имеете? — помолчав, спросил он. Видимо, только сейчас он начал понимать, в чём дело.

— Полтора года скоро... Да я что ж?.. Я не в обиде — где ему письма писать? Сам бы скорей приезжал!.. Здоров он?

Странный гость молчал, опустив голову. Потом заговорил медленно, с натугой, выдавливая из себя слова:

— Здоров... Видел я его... Месяца три назад... Меня демобилизовали по ранению, а он... Он ничего... Вот я и решил: раз приехал, надо сходить, мать его проведать... Ну тогда всего вам хорошего, пойду!.. — Он взялся за костыли.

Бабушка Мамур стала уговаривать его посидеть, попить чайку — такого гостя да без чая отпустить? — но инвалид помотал головой. Сказал, что очень спешит, что дома ждут, и поспешно уковылял со двора.

— Ну вот и дождалась я доброй вести! — бабушка Мамур в радостном изнеможении откинулась на мешки джиды. — Жив мой мальчик, жив мой единственный! Слава богу, войне скоро конец, придёт Нурджан, той устроим! Настоящий — с подарками. Ой! — старушка всплеснула руками: — Подарок-то я ему забыла за добрую весть!

Она бросилась за солдатом. «Постой, сынок! Союнчи возьми! Союнчи!» Инвалид обернулся, махнул рукой и пошёл дальше.

Опростав мешок, мы снова пошли к шелковицам. Колли уже влез на дерево, когда вдруг во двор с воплем ворвался Ипбат-ага.

— Горе тебе, Мамур! — выкрикнул он тонким голосом. — Закатилось твоё солнышко, погас ясный свет!!! — Не переставая кричать, старик бросился на землю]. — Сказал сейчас тот калека, что

Thank You for previewing this eBook

You can read the full version of this eBook in different formats:

- HTML (Free /Available to everyone)
- PDF / TXT (Available to V.I.P. members. Free Standard members can access up to 5 PDF/TXT eBooks per month each month)
- Epub & Mobipocket (Exclusive to V.I.P. members)

To download this full book, simply select the format you desire below

